

На правах рукописи

Гязов Ислам Витальевич

**ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ФОЛЬКЛОРНЫХ И
ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ КОМПОНЕНТОВ КАБАРДИНСКОГО РОМАНА**

Специальность 10.01.02 – Литература народов Российской Федерации
(литература народов Северного Кавказа)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Майкоп – 2022

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литератур Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

Научный руководитель:

Борова Асият Руслановна,
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты:

Тхагазитов Юрий Мухамедович,
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований - филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН»

Килабова Марет Ароновна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры чеченской филологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Чеченский государственный педагогический университет»

Ведущая организация:

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева - филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр РАН», г. Владикавказ

Защита состоится 2 июня 2022 года в 13.00 на заседании диссертационного совета Д 212.001.10 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук в ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Д.А. Ашхамафа ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Пионерская, 260, с диссертацией и авторефератом – на официальном сайте университета: <http://www.adygnet.ru> и на сайте ВАК: <http://vak.ed.gov.ru>

Автореферат разослан «_____» _____ 2022 года

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Г. В. Соколова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность. Советские национальные литературы, развивавшиеся в режиме так называемых «новописьменных», с момента своего становления испытывали на себе давление со стороны официальной государственной идеологии, принятой в качестве детерминанты предпочитаемых эстетических воззрений. И в этой ситуации самыми заметными прогрессивными шагами национальной художественной словесности вообще, народов Северного Кавказа в частности, стали, во-первых, переход от безальтернативной прямой оппозиции на классовой основе к противостоянию в сфере эстетико-идеологической, а, во-вторых – появление и развитие тех вариантов и эволюционных линий национальных литератур, которые основывались – в той или иной, но постоянно возрастающей степени – на национальных моделях художественной интерпретации окружающего, на использовании этнических формант самых различных уровней, от объектного ряда и бытийного антуража до специфических национальных этико-философских и апперцептивных структур.

Это не было равномерным процессом – периоды спокойного изменения литературного контекста несколько раз сменялись фазами ужесточения идеологических требований и этапами столь же навязчивой протекции модных новаций, обосновываемых на высшем уровне власти. Каждый раз коллективное сознание «новописьменных» народов должно было отвечать на эти вызовы, активизируя механизмы адаптивного развития, выкристаллизовавшиеся в недрах этнического мировосприятия и минимизируя влияние извне.

В наши дни, в первые десятилетия нового тысячелетия культура народов России (включая русскую традиционную культуру) опять испытывает сильнейшую цивилизационную агрессию, вновь оказывается в зоне риска. Глобализационные тенденции, проявляющиеся в литературе расшатыванием дефиниций эстетического и этико-морального комплексов, грозят потерей этнической определённости, в сущности – самому существованию национальных литератур.

Необходимость адаптации эстетического сознания этноса к новой информационной среде, сформированной, по большому счёту, за последнюю четверть века, очевидна. Адыгская, в частности кабардинская проза как значимый и весьма функциональный сектор сохранения и компенсации ментальности нации, также нуждается в оптимальных, с точки зрения этнической рекреативности, модернизационных шагах. Что, собственно говоря, и делает заявленную тему исследования, подразумевающую анализ эволюционно значимых ресурсов романа, мобильности и причин мобильности его концептуологии и образности, остро *актуальной*.

Степень изученности проблемы. В советском литературоведении вопросы эстетической и национально-культурной классификации крупных форм адыгской прозы целенаправленно не изучались, большинство

существующих исследований несут на себе явный отпечаток положений теории социалистического реализма. Они закономерно рассматривали эволюцию идеологического содержания текстов, относя анализ морально-этических и, тем более, этнических и эстетических составляющих произведений в сферу частных элементов нарратива. Этническая специфика повествования: концептуалогия, выразительный инструментарий, принципы типизации героев, использование национальной идеоматики – все эти проблемы освещались попутно, при решении задач, имевших непосредственное отношение к политической, идеологической и социальной среде. Однако суммарный объём исследований по данному направлению – разбор и описание элементов этнической идентификации художественного текста – достаточно велик, прежде всего потому, что, в общем, проза литератур народов региона проанализирована несколькими поколениями учёных – комплексно и подробно.

Формирование системы жанров прозы, её эволюция детально рассмотрены в целом ряде фундаментальных исследований, к которым мы постоянно обращались в ходе работы над диссертацией. Это, прежде всего, монографии и статьи Х. Бакова (1994), Л. Бекизовой (1974), Г. Гамзатова (1986), А. Караевой (1979), А. Мусукаевой (1993), У. Панеша (1990), К. Султанова (1989), З. Толгурова (1991), Ю. Тхагазитова (2006), К. Шаззо (1978), многих других. Благодаря их усилиям основные моменты поступательного движения литератур народов региона, особенности и основные тенденции их взаимовлияния, воздействия на них русской культуры, можно считать досконально и разносторонне изученными.

Поступательные изменения онтологии и объектно-изобразительной базы национального романа, его изобразительного инструментария, его специфических жанровых дефиниций в этнических интерпретациях являются основными вопросами, изучаемыми в рамках региональной проблематики, и именно эти направления можно считать основными в адыгской гуманитарной науке. Интерес к ним определяет содержание монографий наших крупнейших исследователей – Л. Бекизовой (2008), А. Гутова (2000), А. Мусукаевой (1987), К. Шаззо (1978), У. Панеша (1990), Ю. Тхагазитова (1987). В определённом смысле верным будет утверждение о лидирующем статусе национальной науки – естественно, именно в данном векторе, так как особенности этнического своеобразия, его спонтанных проявлений в художественных текстах и основных архетипах национальной психологии, зафиксированных на эстетическом уровне, разобраны у некоторых учёных с высочайшей степенью проникновения в объект изучения, как, например, в книгах Ю. Тхагазитова (1987, 2006) и А. Гутова (2000, 1993), созданных с привлечением материалов других дисциплин.

Полагаем возможным подчеркнуть некоторые моменты. В первую очередь то, что фактически исследований, посвящённых нарративной эволюции романа российских национальных литератур, нет. Мы, по сути, остановились на анализе идеологии и концептуального содержания текстов,

на подходах, явно берущих начало в методиках социалистического реализма, практически игнорируя новые целеустановки авторов, трансформацию их понимания этнической идентификации.

Во-вторых, в основном в анализ вовлекаются универсалии нарративного инструментария вне его целостности и в связи с общей концепцией текста в его этнической специфике. То есть принципы типизации героя, средства этой типизации, параметры образного представления, структура повествования хотя и сопутствуют нашему исследованию, всё же недостаточно релевантны в нашей схеме рассмотрения.

В-третьих, масштабных комплексных исследований, посвящённых эволюции функций, структуры и авторского осмысления фольклорных и этнографических компонентов в нарративе, идейно-концептуальном содержании и их различий в рамках конкретных идиостилей, на сегодняшний день недостаточно. В общем объёме работ, освещающих развитие новописьменных и северокавказских литератур, основная масса представлена исследованиями либо обобщающего характера, обращёнными к самым основным дефинитивным признакам эволюционного движения, либо исследованиями, детально разбирающими те или иные составляющие жанровых параметров в их частном виде. Трудов, в которых учёные демонстрируют синтетический подход к пониманию проблемы этницизма большой прозы, в которых процесс изменений фольклорных и этнообозначенных компонентов понимается как маркерный показатель эволюционного продвижения, практически нет.

Объект исследования – кабардинский роман и его фольклорные компоненты в контексте новописьменных литератур Северного Кавказа. В качестве эволюционной типологической модели первого этапа формирования крупноформатной прозы был выбран роман «Шамбуль» Т. Керашева – прежде всего потому, что произведения Х. Абукова и М. Дышекова в своё время были надолго исключены из культурного оборота адыгских народов и области научных интересов национального литературоведения.

Предмет исследования – элементы и структуры фольклорного происхождения, этнически обозначенные составляющие нарратива в процессе их трансформации и изменения функций в ходе стадийного развития кабардинской крупноформатной прозы.

Цель исследования – анализ творчества кабардинских прозаиков, выявление их авторских моделей построения нарратива и конфликтного противостояния, выяснение аутентичных национальных интерпретаций идеологических и иных общих для советских литератур оппозиций и способов раскрытия характера героя в произведениях крупного формата.

Задачи – заявленная цель может быть реализована лишь в результате мультивекторного подхода, подразумевающего решение целого ряда задач, главными из которых являются:

– выявление главных этапов нарративной эволюции крупноформатной прозы кабардинской литературы с точки зрения изменения функций фольклорных и этнографических элементов повествования;

– выяснение основных черт национального нарративного порядка как совокупности содержательных элементов и моделей их апперцептивной актуализации в ходе смены последовательных эволюционных стадий национальной прозы крупного формата;

– определение институциональных составляющих этнического художественного мышления в динамике эволюционного процесса кабардинского романа и эпопеи;

– установление функциональных и качественных границ различных эволюционных периодов кабардинской крупноформатной прозы по способу и художественной цели использования этнических элементов, начиная от отдельных лексических этницизмов и заканчивая этико-эстетическими и философскими концептами национального происхождения.

Материалом диссертационного исследования стали романы ведущих кабардинских прозаиков – А. Кешокова, А.Шортанова, Х.Теунова, Т.Адыгова, Э.Мальбахова, адыгские фольклорные тексты, а также произведения северокавказских писателей, отмеченные типологической эволюционной релевантностью заявленной теме.

Теоретическая основа. Диссертационное исследование базируется на теоретических положениях, выстроенных и обоснованных в обобщающих трудах по литературоведению и эстетике, особенно – в части, касающейся новописьменных литератур, прошедших так называемый «форсированный» или ускоренный тип развития. Этот сектор также практически лишён лакун, благодаря работам таких учёных, как Г. Ломидзе (1970, 1972), Г. Гамзатова (1986, 2000), Б. Сучкова (1977), М. Арнаудова (1970), Г. Гачева (1988, 1989), М. Храпченко (1982), Н. Надъярных (1972), В. Днепровы (1965), Ю. Андреева (1962), Ч. Гусейнова (1988), многих других.

Методы исследования. Так как наиболее универсальной областью взаимоинтеграции витального опыта с эстетическим, по определению, является фольклор, то особое место в исследовании занял метод сравнительного анализа, в координатах которого предпринята попытка выявить структуры фольклорного происхождения в авторских текстах. Кроме того, при выяснении эволюционного статуса и типологической принадлежности конкретных текстов в работе применялись сравнительно-исторический и классификационный методы.

Научная новизна. Впервые предлагается сопоставление опыта использования этнических компонентов различного типа со стадийными изменениями нарратива произведений. Сопоставление это выявляется и уточняется в свете эстетической и национально обозначенной жанровой классификации текстов, что, по нашему мнению, поможет раскрыть уникальный контент кабардинских эстетических стандартов в его эволюционной динамике. Новационное содержание диссертационного

исследования заключается также в функциональной классификации изучаемых фольклорных и этнических компонентов, роль и значение которых последовательно менялись в ходе развития нарратива национальной прозы. Выявлены несовпадения эволюционной периодизации кабардинской литературы и кабардинской крупноформатной прозы, относительно которой необходимо констатировать, что попытки разделить довоенный этап и 50-е – частично 60-е годы требуют дополнительной аргументации. Впервые сформулировано концептуальное положение о весьма раннем, не обусловленном развитием адыгского литературного контекста обращении некоторых национальных писателей к этническим нормам и стандартам восприятия в нарративно функциональной форме, и, соответственно, о включении в авторскую концепцию конфликта.

Теоретическая значимость. Теоретическая ценность исследования состоит в возможности включения выводов в формирование общих воззрений на ход развития кабардинской литературы, так как в работе ставится целый ряд вопросов в части устоявшихся положений о путях и причинах развития новописьменных литератур.

Практическая значимость. Работа может быть использована при создании учебного курса «Литература народов России», а также истории литератур адыгских народов, при чтении курса лекций по литературам народов Северного Кавказа, спецкурса по проблемам жанра романа.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Советская кабардинская литература является многосоставным феноменом, сформировавшимся на первых этапах как художественное отражение безальтернативного конфликта, типологическая цельность которого распространялась и на концептуальное, идейное содержание произведений, и на его образный ряд.

2. Традиция народной словесности фиксируется, в первую очередь, в самих принципах аксиологической типологизации героев, а затем воплощается в фольклорных и этнических компонентах образности, аксиологии, особенностях сюжетного строения и других структурах, имеющих когнитивное значение.

3. Освобождение новописьменных литератур от мимикрических интенций и попыток приспособиться под «большую» советскую русскоязычную литературу стало главным критерием эволюции национальной прозы. Начиная с 60-х годов XX века кабардинская литература выходит на новую эволюционную ступень в осмыслении и использовании архаичных фольклорных структур в авторских текстах, адаптируя их содержание и концептуалистику к новой социальной действительности.

4. Устоявшееся мнение о том, что черты незрелости новописьменной прозы исходят из национального фольклора, представляется необоснованным, на наш взгляд – это влияние некорректного инокультурного воздействия.

5. Послевоенное содержание текстов кабардинских писателей отмечено сменой эстетических императивов. Идеологическая утилитарность уходит в прошлое, и новое поколение национальных писателей Северного Кавказа характеризуется дуальностью мировоззрения. С одной стороны, они воспринимают советскую идеологию как данность, единственно верную и функциональную философию, с другой – стремятся к возврату этнических истоков, что реализуется в виде активного использования нарративно значимых фольклорных и этнических компонентов.

6. Литературная интерпретация художественного этнографизма стала вынужденной, но вполне продуктивной зоной рекреации кабардинской литературы, одной из областей инициации этнических способов воссоздания национального быта, национальной действительности, формирования исторического и философского мировидения писателя.

7. Кабардинская проза крупного формата 70 - 80-х годов прошлого столетия базировалась на новом функциональном качестве этнографических и фольклорных компонентов, использование которых в произведениях национальных авторов стало системным явлением, а сам принцип функционирования в текстах претерпел кардинальные изменения.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Диссертация посвящена комплексному исследованию этнографических и фольклорных структур авторской кабардинской прозы различного уровня в их эволюционной и функциональной роли на различных этапах развития национальной литературы. Все положения соответствуют специальности литература народов Российской Федерации (Литература народов Северного Кавказа), кабардинский роман и его фольклорные компоненты исследуются в контексте новописьменных литератур Северного Кавказа. Положение 2 согласовывается с областью исследования, обращённой к уточнению некоторых устоявшихся воззрений в рамках теории новописьменных литератур и феномена «ускоренного» («форсированного») развития. Диссертация соответствует пунктам 4 «История и типология литературных направлений, видов художественного сознания, жанров, стилей, устойчивых образов прозы, поэзии, драмы и публицистики, находящих выражение в творчестве отдельных представителей и писательских групп» и 5 «Уникальность и самоценность художественной индивидуальности ведущих мастеров литературы народов Российской Федерации прошлого и современности; особенности поэтики их произведений, творческой эволюции» паспорта специальности 10.01.02.

Степень достоверности и апробация работы. Основные положения и научные результаты исследования обсуждались на заседании кафедры русской и зарубежной литератур ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет», представлялись на Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «ПЕРСПЕКТИВА–2021» (Нальчик, 2021).

По теме диссертационного исследования опубликовано 8 статей в журналах, научных сборниках и материалах конференций; из них в следующих наукометрических базах данных: ВАК – 5, РИНЦ – 3.

Структура диссертации. Исследование состоит из введения, трёх глав, подразделяющихся на девять параграфов, заключения, списка литературы, включающего теоретические исследования, научно-справочные издания, использованные в диссертации.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** установлены квалификационные позиции исследования, представлен обзор научно-критической литературы, выявляется степень изученности темы, обосновываются актуальность и новизна, формулируются цель и задачи, выдвигаются теоретические положения, выносимые на защиту, характеризуются теоретико-методологические принципы, мотивируется теоретическая и практическая значимость полученных результатов.

Первая глава «ИСТОКИ И ПЕРВИЧНЫЕ ФОРМЫ КАБАРДИНСКОЙ ПРОЗЫ» посвящена общетеоретическим аспектам развития так называемых «новописьменных литератур», в основном в приложении к кабардинскому контексту.

В параграфе 1.1 «Генезис и развитие новописьменных литератур: проблемы периодизации» отмечается, что определение «новописьменная» имеет явно выраженный несистемный характер и в основе современной классификации литератур лежат признаки социально-экономического плана.

На протяжении всего существования сообщества литератур народов СССР принцип социально-экономической дифференциации не менялся и именно в его границах проводилась периодизация конкретных литературных систем. По всей видимости, в качестве реакции на такое понимание культурных процессов, протекавших в регионе, исключительно с политических позиций, национальное литературоведение обратилось к истолкованию внутренних дифференциальных черт и признаков словесной традиции.

Мощнейшее влияние на национальную теоретическую мысль в той части, которая занималась атрибутированием литератур в качестве новописьменных, оказала теория «форсированного» развития, сформулированная в трудах Г. Д. Гачева¹. На Северном Кавказе целый ряд исследователей счёл возможным адаптировать её положения к задачам периодизации и осмыслить различные стадии взаимодействия донорной и «новописьменных» литератур в качестве этапов эволюционного развития последних.

---

¹ Гачев, Г. Д. Национальные образы мира. / Г. Д. Гачев. – М.: Советский писатель, 1988.

Наличие множества атрибутивных методик и подходов как в самой периодизации, так и в идентификации «новописьменных» литератур для адыгской теории словесности имеет особое значение. Мы вынуждены оговаривать целый ряд моментов, так как ни в одной из своих составляющих традиции нашей словесности не «вписываются» в строгие квалификационные рамки. То есть адыгская литература в полном смысле этого слова относится к новописьменным – так, во всяком случае, принято считать в современном литературоведении: дореволюционный опыт просветителей, официально признанных основоположников национальных литератур, их нескольких реальных и полуполюгендарных предшественников, действительно, как этиологическое основание оцениваться не может. С другой стороны, словесность адыгских народов начинается с весьма обширного и подробно разработанного эпического свода «Нарты». Цельный и законченный эпический свод не всегда есть и у некоторых старописьменных народов, поэтому «новописьменность» адыгов достаточно условна.

Очевидно, что фольклорное начало не могло быть причиной опрощения нарратива и когнитивики первых советских текстов, ибо в архитектурном плане фольклорное сознание попросту сложнее эстетики классового искусства. Поэтому периодизация по признаку той или иной степени присутствия элементов устной традиции в литературных произведениях, по меньшей мере, нуждается в серьёзном пересмотре.

Параграф 1.2. «Этническое в контексте идеологического искусства» посвящён особенностям художественного сознания народов, развивавшихся в режиме «ускоренного развития» и их литературам в среде жёсткого идеологического контроля. Большевицкая концепция искусства была системной и последовательной в своих целевых установках. Помимо всего прочего, в ряд одобряемых черт советской литературы входила и её перцептивная доступность. Лидеры государства негативно относились к любым проявлениям элитарности литературы – не понимая, либо не желая понять, что «эволюционный статус любого произведения закреплён в его архитектонике, сложности образной системы, сюжетной структурированности»¹.

Надолго и основательно затормозив эволюцию семантических архетипов советской литературы на уровне общей концептуалистики и идеологии, парадигма эстетических воззрений соцреализма также служила неким фильтром в области формально-содержательных пластов произведений. Фактически, единственным направлением позитивных трансформаций для советских литератур осталась сфера национальных этико-эстетических представлений – в той, разумеется, части, в которой они совпадали или, хотя бы, не противоречили «новой» морали социалистического общежития. Новописьменные литературы практически

---

¹ Шпет, Г. Герменевтика и её проблемы / Г. Шпет // Контекст. М. 1990.

все довоенное время находились в поиске средств выражения этничности, но в рамках идеологических стереотипов. Вне зависимости, к какому типу – условно-идеологическому или просветительно-революционному – относились произведения адыгских прозаиков, они не имели признаков сюжетно значимого подключения национальных архетипов. Этническое содержание выражалось лишь на языковом уровне, а также эпизодическими вкраплениями национальных идиом, эвфемизмов и подробных картин обрядовых действий, которые авторы воспринимали, по всей видимости, в качестве неких признаков нарративной зрелости и соответствия ленинской теории «расцвета наций» при социализме. Актуальную политическую задачу национальные писатели реализовывали в рамках культурного заимствования – прямой пропаганды социалистических ценностей, вложенной в уста различных идеологически маркированных героев, например председателей колхозов, секретарей парткомов, рядовых коммунистов. Второй схемой доведения дидактического содержания до читателя было массивное и зачастую навязчивое сравнение двух пространств – советского настоящего и недавнего царского.

Литературы народов Северного Кавказа на данном этапе своего развития, который можно назвать революционно-просветительским, выступали в роли непосредственных исполнителей партийного заказа. Функциональное начало советских национальных литератур было predetermined статусом литературы вообще – в системе ценностей нового большевистского мировоззрения это был вспомогательный механизм, ориентированный на обработку массового сознания и имевший ценность лишь в этом качестве. Результаты жёсткого идеологического и этико-эстетического контроля партией художественной словесности были плачевны. Что касается литературы малых народов, то из неё изживалось любое этническое качество. Национальные писатели, в том числе и адыгские, трактовали традиционное, скорее, как негативное, либо подходили к нему с нескрываемым этнографическим интересом, изображая его с позиции внешнего наблюдателя.

Северокавказские прозаики послевоенных десятилетий преодолевали узость партийного взгляда на мир с помощью партийных же, идеологических стандартов изображения положительных и отрицательных героев, приводя этнические адатные нормы этики и гуманизма в ситуацию прямой оппозиции принципам коммунистической морали. Проблема несоответствия различных этических систем, в первую очередь – положений обычного права горских народов и коммунистической жёсткости в скрытом виде, стала стержнем конфликта целого ряда произведений у разных народов региона, причём в некоторых случаях она обрисована достаточно выпукло.

Параграф 1.3 «Идеологический нарратив и его особенности». Оказавшись в тисках определённого мировоззрения, этническое художественное сознание восприняло матрицу безальтернативного конфликта из первых образцов советской литературы – тем более, что она

оказалась идентичной конфликту эпическому, знакомому из текстов «Нартиады». Фольклорные песни кабардинского, черкесского, других адыгских народов, посвящённые героям, погибшим в результате межсословных столкновений, в советский период в большинстве своем представлялись произведениями с ярко выраженной социальной мотивацией событий. «Революционная» литература и литература первых лет советской власти, посвящённая описанию событий Гражданской войны, – это произведения, констатирующие факт прямого столкновения и боя на уничтожение противника – чаще всего физического.

Идеологический заказ требовал передачи духа победы и самопожертвования, нигде и никак не упоминались причины и мотивация борьбы, тем более не было и не могло быть хотя бы намёка на сравнительный анализ того, за что приходится бороться с тем, против чего боролись. Первичные формы революционной литературы мы можем назвать идеологическими лишь условно. Поэтика яростной и безжалостной борьбы на духовное и физическое уничтожение не предполагала пространства и времени для осознания причин и мотивов самой борьбы.

Герои идеологической прозы были полностью унифицированы, существовали в виде вполне стабильных типажей, оснащённых тем или иным набором черт, тесно связанных с социальным статусом образа, что само по себе было обусловлено позицией теоретиков социалистического искусства, напрямую диктовавших характер черт и общие аксиологические идентификаторы персонажей. Герои текстов с заданной и обязательной идеологией чётко соотносятся с определёнными, фактически, канонизированными эстетическими матрицами, бывшими в ходу у первых теоретиков «нового» искусства и восходившими к воззрениям А. Луначарского.

Но самой заметной, бросающейся в глаза даже неискущённому читателю характеристикой нарратива данного этапа развития новописьменной литературы является отсутствие в нем повествовательного времени. «Сейчас» героев идеологической прозы – это и предполагаемые годы батрачества, и поворотный эпизод, и годы общения со старшими, политически грамотными товарищами – показательно, что в смысле развития сюжета эти годы могут быть полноценно заменены одной-двумя встречами с источником революционных настроений, как правило – выходцем из России.

Закономерным и неизбежным результатом идеологического воздействия на национальное эстетическое сознание стали алогичность и спонтанность сюжетов, нарочитость образных представлений, частое отсутствие причинно-следственных связей между фабульными периодами. Особо существенным видится то, что все эти конституирующие черты ранней новописьменной прозы, во-первых, не могут исходить из национального фольклора, это – плоды некорректного инокультурного воздействия, во-вторых – невозможность атрибуции этого периода как «идеологического», «революционно-просветительского» или

«дидактического». Панхрония и дисперсия пространственных объемов в текстах этого типа не оставляют места для любых форм идеологических коннотаций.

Вторая глава «ФОЛЬКЛОРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ КАБАРДИНСКОГО РОМАНА: ТИПОЛОГИЯ И ФУНКЦИИ».

В параграфе 2.1. «Исходные формы этнической презентации кабардинского романа» рассматриваются изменения в подходе национальных авторов к использованию маркерных фольклорных и этнически обозначенных элементов. Констатируется, что в крупноформатной прозе кабардинских писателей 50-х – 60-х годов содержание фольклорных и этнографических компонентов уже в их исходных версиях интегрировалось в сюжет и влияло на его развитие. Практически во всех образцах крупноформатной прозы этнографические детали и атрибутика активно участвуют в развитии повествования, значимо влияют на идею и философское содержание произведений.

Крупная проза 1950 – 60-х годов и её прототипы довоенного периода была последним этапом интегративного движения национальных литератур в большое сообщество советских многонациональных систем при видимом сохранении внутренней установки авторов на ознакомление русского читателя с национальным бытием. Этнические компоненты повествования позволяли писателям маркировать собственные ценностные установки и определять индивидуальное отношение к описываемому – национальное в этих случаях «выступало в роли сублимации личностного»¹. Авторы погружают читателя в этническую среду, воссоздавая системы народных обрядов, обычаев и традиций, описывая уникальные социальные и культурные особенности уклада жизни горцев. Но это не исчерпывало всего круга задач художников даже в ранних образцах национальной крупноформатной прозы. Этнографические и фольклорные структуры часто выступают в роли организующей составляющей нарратива, важнейшим элементом повествования.

Крупная прозаическая форма адыгских народов на данной стадии также обогащена этническими компонентами различного уровня, и их функция – не только презентация национальной аутентичности. Элементы, маркированные специфическим национальным содержанием, становятся тем механизмом, который активно участвует в выстраивании последовательности событий и обеспечивает художественную достоверность описываемого. Уже в сюжете большинства произведений можно отметить умелое переплетение авторского повествования с этнографически достоверными деталями быта горцев, как правило, представленными в тесной связи с повествованием, с последовательностью действий героев.

---

¹ Веселовский, А. Н. Психологический параллелизм и его формы в отражении поэтического стиля. / А. Н. Веселовский. В кн. Русская фольклористика. – М.: Высшая школа, 1965. С. 192.

Так, в романе «Шамбуль» автор, обращаясь к актуальным вопросам современности, ставил перед собой задачи решения преимущественно социальных вопросов довоенных десятилетий в контексте борьбы за систему социалистических морально-этических и общественных норм – от глобальных коллизий борьбы за утверждение нового строя до перипетий утверждения гражданских прав женщин. Повествование о событиях, наблюдаемых автором непосредственно, либо о событиях, которые могли бы наблюдаться им, располагает к описанию достоверных и реальных процессов и объектов. Подобное повествование лишает маркеры этничности и фольклорные включения их знаковой семантики, переводя в разряд фактического представления. Даже идеологическое давление и обязательность базовых концептуальных положений произведения не могут лишить фольклорные и этнографические апелляции их конкретного наполнения – они участвуют в нарративе либо в качестве прямых оценочных указаний и атрибутов, либо в качестве «легитимного», с точки зрения народа, подтверждения той или иной идеологемы.

Каждый пункт последовательности своих рассуждений о сути нового бытия и общежития Керашев обосновывает обращениями к духовному наследию народа – обычаям, традициям, этикету и т.д. Социалистическая идеологема выглядит достоверной именно в режиме постоянных отсылок к адатным нормам, в частности, судьба женщины патриархального традиционного общества складывалась из комплекса обязательных последовательных событий, обрамлённых соответствующим поведенческим кодом: создание семьи – часто, без учёта её личных предпочтений, затворничество как предпочтительная форма социального статуирования, отказ от индивидуальных желаний, подчинённое положение в системе маскулинного общежития, ментальная и общая деградация – своеобразный опыт негативного осмысления этнически значимых элементов.

В первые послевоенные десятилетия в эволюционном плане проза адыгских авторов – особенно в части использования этнографических элементов – всё ещё находилась на уровне просветительской интенции, произведения понимались, как средство ознакомления читателя, особенно русского, с этническим лицом, этническим бытием адыгов. Формирование крупной национальной прозы сделало невозможным подобное использование этнографики и фольклора – сами закономерности созидания информационного контента романа не допускают возможности сугубо презентативного функционирования аутентичных элементов.

Ответом на этот внутренний запрос адыгского общества и стал первый исторический роман, обращённый к истории этноса – «Горцы» А. Шортанова. Он чётко зафиксировал нахождение прозаического мышления адыгов на той стадии развития, которая предполагает активное использование всего инструментария аутентичного этнического и внешнего

нарративного инструментария – пусть в качестве тенденции, но уже явно неоспоримой.

«Горцы» А.Шортанова с полным правом можно назвать произведением, отмеченным чертами зрелой прозы, и особенно ярко это проявлено на уровне сюжетно-композиционного строения произведения. Сложности и многообразие реальных исторических и политических коллизий в судьбах Северного Кавказа начала XIX века полностью соответствует сложнейшая сюжетная архитектура романа. Выбор главным персонажем романа коллективного героя – народа, что вполне вписывалось в политические и эстетические тренды эпохи, предопределил сложнейшую, многолинейную структуру сюжета, так как народ Шортанова дан в виде целой группы активных действующих лиц, совокупность действий которых и трактуется писателем как интегративный образ, элементы которого реализованы в широком спектре повествовательных направлений.

В целом, десятилетия 1950-60-х в истории прозы Северного Кавказа – своеобразный этап выхода на высокий профессиональный уровень национальных авторов. Национальные системы художественного слова проходят стадию активной модернизации – архитектурного, концептуального и идейно-содержательного характера. Формируется целая волна среднеформатной и крупной прозы новой генерации, свидетельствующей о переходе на качественно иной эволюционный уровень. Процесс полнокровно развивается и в адыгских литературах – такие произведения, как «Аул Псыба» Аскера Евтыха, «Весна Софият» Адама Шогенцукова, «Отец и сын» Хусина Гашокова, отмечены параметральными чертами нового стадияльного качества и в этом смысле могут рассматриваться не просто как тенденциальные маркеры движения новописьменных систем, но и как значимые элементы литературного процесса всей страны. Это, де факто, был этап компенсации и реабилитации этнического самосознания и национальной художественной мысли, на протяжении которого адыгский, в частности кабардинский роман навёрстывал упущенное за десятилетия идеологического давления, поднимался на новые этапы развития нарративного мастерства со всё более и более выраженным этническим содержанием.

Параграф 2.2. «Фольклорные элементы как средства этнической маркировки текста» в развёрнутом виде освещает этнопрезентативные функции фольклорных и этнографических элементов повествования в кабардинской крупноформатной прозе.

Уровень литературного мышления кабардинских прозаиков уже в 60-х годах прошедшего столетия не предполагал использования фольклорных компонентов в виде простого презентативного материала, который должен был повысить читательский интерес к эндемичному этническому контенту произведений, к его экзотической информационной составляющей. Как правило, этнически обозначенные элементы повествования уже в прозе А. Кешокова были полностью функциональны в качестве повествовательно

значимых формантов, в качестве сюжетобразующих и концептуальных компонентов текста.

В этом отношении весьма интересны дискуссии и словесные столкновения героев национальной прозы в целом, каждый раз являющие читателю как мастерство «текстуальной адаптации идиоматических выражений, так и их разнообразие»¹. Плотность идиоматического наполнения в национальных текстах – явление системное, и у Кешокова она также не случайна. Это явление наблюдается во всех эпизодах его текстов. Начиная формирование образа с речевой характеристики, он использует приём насыщения повествования узнаваемыми идиомами и явно рассматривает их не в качестве презентативного этнического механизма, а видит в них нарративный компонент.

Центральным определяющим качеством механизмов характеристики героя у кабардинского писателя в любых ситуациях служит комплекс этнических компонентов, как уже упоминалось, интегрированность в систему традиционной морали, этики и этикетности, а сверх того – сам факт этнической атрибутированности персонажа, видимый в его поведенческих и речевых особенностях.

Пониманием того, что языковая привязка к этносу может служить важнейшим механизмом «аксиологического представления героя»,² прониклись все кабардинские прозаики. Не декларация своеобычности национального мировидения и мироощущения, а именно средство обрисовки индивидуальности – таков общий взгляд на языковую идентификацию героя. Однозначность и чёткость подхода национальных авторов к этому вопросу понятна хотя бы из того факта, что чаще всего речевая характеристика героя подтверждается сторонним описанием и «внешним» наблюдением.

Этнический глоссарий, устойчивые выражения прочно утверждаются в текстах кабардинских авторов в качестве национальных маркеров. И, естественно, элементы фольклорного происхождения закономерно играют такую же роль. Именно такое их функциональное назначение – в понимании кабардинских прозаиков – понятно хотя бы из того, что стабильные структуры национальной художественной словесности, имеющие полные синонимические аналоги в русском языке, тем не менее, присутствуют в текстах указанного периода на постоянной основе. Более того – они сохраняются в русскоязычных переводах по желанию самих авторов. Аутентичные адыгские идиомы и обороты многие авторы предпочитают сохранять в тексте в их первоначальном виде – объясняя их за пределами самого текста либо комментируя в его границах. Кабардинские аутентичные лексемы присутствуют в тексте апеллятивно –

---

¹ Ковский, В. Жизнь и стиль. Образ молодого человека и художественно-стилевые искания прозы 60-х годов / В. Ковский. Жанрово-стилевые искания современной советской прозы. – М.: Наука, 1971. С. 280-281.

² Виноградов, В. В. Героический эпос народа и его роль в истории культуры. / В. В. Виноградов. – М: Наука, 1988. Сс. 42-44.

расшифровываясь для русскоязычного читателя самим прозаиком непосредственно в объёме авторского повествования.

Разбор характера употребления кратких идиоматических формул и фольклорных компонентов в каждом конкретном случае доказывает, что основное содержание и функциональная роль таковых понималась как сюжетоформирующая, как бесспорное средство выражения художественной рефлексии автора, его способ донести до читателя своё видение героя, своё понимание эпохи. Это отчётливый признак эволюции творческого мышления писателей, прогресса литературных практик народа. Однако при всём, несомненном нарративно задействованном и функциональном содержании кратких фольклорных элементов в прозаических текстах адыгских авторов – начиная с 60-х и до конца 80-х годов прошлого века – они продолжали играть и сугубо этномаркерную роль, выступая в качестве бесспорных экзотических вставок и обозначая национальную принадлежность автора и, соответственно, среды описания. Этому были свои глубокие причины внелитературного характера, повлиявшие как на темпы развития адыгского романа, так и на направления его эволюции.

Параграф 2.3 «Этнические маркеры и система стратификации образов кабардинского романа (Х. Теунов – «Род Шогемоковых»)». Поиск жанровых вариаций в процессе эволюции адыгского романа в общем движении прозы к новым стадиальным состояниям не был столь заметен, как, например, в русской прозе этого же периода. Традиционно новописьменные литературы шли от революционно-романтической прозы и истории борьбы за установление советской власти к другим разновидностям исторического повествования. Однако и в этом слитном потоке произведений о прошлом народа в конце 50-х – 60-е гг. прошлого века наметились типологические линии, позволявшие говорить о формировании если не полноценной, то хотя бы тенденциальной парадигмы адыгской прозы. В этом смысле роман Х. Теунова, опубликованный в 1967 году, представляет собой достаточно необычное для кабардинской литературы произведение. По сути, «Род Шогемоковых» стал тем вариантом развития исторического повествования, в котором приоритет авторского интереса перешел от событий общенационального значения к фактам частного характера, к описанию семейной хроники конкретной патронимии. Естественная хронологическая последовательность событий лежит в основе и полностью определяет сюжетную конструкцию романа и ещё более – образную систему. Сам выбор объекта описания предопределяет ряды персонажей и акцент на их характеристике.

Традиционно для образцов советской прозы повествование насыщено «внесюжетными фрагментами дидактико-идеологического характера»¹, но

---

¹ Гусейнов, Ч. Г. Этот живой феномен. / Ч. Г. Гусейнов. – М.: Советский писатель, 1988. С.183.

и в границах таковых отчётливо заметно стремление автора уйти от клишированных описаний – если не за счёт индивидуализации образов, то, по крайней мере, путём ассоциации их с субстратной народной культурой, идентификацией в этнических адыгских координатах. Основное ядро народа – обычные сельские труженики – отмечены органической связью с житейскими и философскими положениями традиционного кодекса «Адыге Хабзэ».

Авторская интерпретация национальных морально-этических норм, поведенческих стандартов всё же характерна для текстов литературы развитого соцреализма. И единственный компенсаторный механизм, предусмотренный писателем для реабилитации этнических норм, – те же самые адатные нормы в позитивном описании. Давление интереса официальных доктрин социалистического искусства осознанно учитывалось при строительстве образа и, быть может, понимая чрезмерность этого давления и вынужденность собственной реакции на него, Х. Теунов, воссоздавая этнографические детали, вновь обращается к элементам кодекса «Адыге Хабзэ», но заостряет внимание на позитивных компонентах адатной нормы.

Повествовательные блоки произведения так или иначе направляют читателя к деталям повседневного этнического бытия, этническое же мировоззрение – его каноны и стандарты – определяют путь персонажей и развитие сюжетных линий. Адат не выстраивает судьбы героев напрямую, но требования кодексов поведения и мотивации поступков всегда влияют на их выбор решений.

Всеобъемлющий и системный характер «Адыге Хабзэ» – феномен абсолютный, не подлежащий обсуждению для всех адыгских авторов. Даже не признавая приоритетности норм обычного права и примет традиционной этничности, Х. Теунов выстраивает минимализированную парадигму регуляторов общественного поведения кабардинского народа, по крайней мере – в её минорной, мортуальной части: кровная месть-траурные мероприятия-похоронные обряды.

И даже в тех случаях, когда автор описывает идеологически ангажированного героя, – в основе его аксиологических маркерных черт лежит канон традиционного этнического характера. Более того – сама причастность персонажа к комплексу адатного народного порядка представляет его не только как индивидуальность, но и как органическую часть общества, народа. Это обстоятельство естественным образом помогало авторам адыгских литератур и, по всей видимости, других северокавказских легче интегрироваться в идеологически значимый контекст советской культуры, что, собственно говоря, во многом и обеспечило эффект «ускоренного» развития.

Третья глава «ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЭТНОГРАФИЗМ И НАРРАТИВНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ КАБАРДИНСКОГО РОМАНА» посвящена основным аспектам эволюционных тенденций этнических

элементов кабардинского романа, зафиксированным в творчестве А.Кешокова и развитым в произведениях авторов второй половины 70-х годов и в 80-е годы.

В параграфе 3.1 «Алим Кешоков и развитие национального романа» вслед за Бекизовой Л.А. (1974) отмечается, что тексты А. Кешокова лишены прямых механических вставок фольклорного происхождения, однако они в этом плане обладают выраженной интертекстуальностью. Обращения к традиционным этническим формулам – от идиоматики до интерпретаций эпического и позднефольклорного происхождения – могут выполнять разные функции, они не ограничены передачей тех или иных эмоциональных информационных блоков, но могут выступать в качестве конструктивных компонентов нарратива.

Понятно, что при таком органичном участии фольклорных структур в нарративе писателя требовалась особая универсальная форма повествования. Постоянные адресации к традиционным конструктам различного уровня в сочетании с развитым и порой весьма сложным сюжетным строением, сделали неизбежным обращение писателя к сказу. Однако не к сказу русской литературы, восходившему к религиозной и агиографической литературе, а потому обладавшему некой тематической толерантностью и при весьма и весьма жёстких ограничениях в эмоциональном наполнении текста.

Сказ Кешокова – подчёркнуто национальная адыгская форма. Это устный рассказ-хабар полностью вариативного наблюдателя, в каждом конкретном случае скреплённый личностью виртуального автора, но не имеющий ограничений по количеству этих авторов и, соответственно, по количеству нормативных точек зрения на описываемое.

Части-хабары связаны причастностью к общему сюжету, что подчёркивается их названиями: Кешоков озаглавливает части повествования таким образом, что они, по сути, представляют собой конспективное, пунктирное отражение всего произведения. Это, кстати, обуславливает и то, что наименование каждой новеллы очень точно отражает её содержание. Будучи метой этнического своеобразия для русского читателя, жанр хабара полностью органичен и естественен для адыгов, ибо корни его лежат в народном творчестве, в той его демократической области, которая была лишена аристократических эвфемизмов и аллегорических иносказаний. Хабар Кешокова – текст народного сказителя, рассказчика, синтаксис и глоссарий которого близки к прямой речи с её простым синтаксисом и глоссарием, состоявшем из автологических номинативов, ориентированных на восприятие коллективным внесловным сознанием.

Однако это не простое копирование фольклорных приёмов. В тексте Кешокова они заметно обновлены и реформированы. К слову, в режиме жёсткого противостояния, столь характерного для сюжетов образцов кабардинского народного словесного творчества, представлены диалоговые и процессуальные оппозиции главных действующих лиц описываемых конфликтов. Но сами столкновения героев в текстах Кешокова не

локализованы в единичных сюжетных линиях, они реализованы в целых повествовательных векторах, состоящих из множества сюжетных линий, соединяющихся в одну. Как отмечает Фрейденберг О.М. (1998), герои находятся в перманентной оппозиции, в рамках которой развёрнуты десятки идейных и прямых конфликтов, что, в принципе, не свойственно фольклору.

Творчество Кешокова стало генерационным основанием перспективных направлений эволюции этнического прозаического мышления. Его роман «Сломанная подкова» в полном виде продемонстрировал тенденции, параметры и качества этнического нарратива, различные ипостаси которого позднее стали специализированными чертами эстетического представления в творчестве последующих авторов. Объяснялось это особым характером восприятия фольклора А. Кешоковым – пограничным с точки зрения его присутствия в парадигме советской идеологической эстетики и острым, непосредственным ощущением писателя как органичной этнической личности. Именно эта двойственность обеспечила фольклорным компонентам особую функциональную и художественную роль в текстах писателя.

В целом, тема героического прошлого адыгских народов, актуальная и популярная у кабардинских писателей на всех этапах развития национальной литературы, всеми из них разрешалась в соответствии с моделью соотношения конкретики актуального опыта, ретроспективной информации о событиях прошлого и условных схем миропознания и самоидентификации этнической личности свойственных эпосу – той самой моделью, которая была сформирована Алимом Кешоковым в его исторических романах. Именно в его творчестве ретроспектива теряет свой сугубо презентативный характер и трансформируется в нарративный формант, сутью которого стала адресация к национальной адатной системе, к народному словесному творчеству – всему, в чём было зафиксировано своеобразие мироощущения кабардинского народа. Это попытка нового освещения проблем современности через призму этнического прошлого – реального и предполагаемого.

Параграф 3.2 «Фольклорные компоненты кабардинского романа и их функциональные виды». Уйдя от практики механического заимствования и этнографической интертекстуальности, Кешоков и его последователи превращают фольклорные элементы в органические компоненты собственных произведений, в их текстах – что становится особенно заметным именно в 70-х годах прошлого века – архаичные и более приближенные к нам по времени появления форманты устного народного творчества превращаются в эстетически значимые элементы авторского нарратива во всех смыслах этого слова – идеологическом, морально-этическом, конструктивно-композиционном, художественно-выразительном.

Начиная с 70-х годов – с прозы А.Кешокова – кабардинская литература выходит на новую эволюционную ступень в осмыслении и

использовании архаичного фольклора в авторских текстах, приспособлявая его поэтику и концептуалистику к новой социальной действительности. Это был достаточно значимый момент в общем потоке развития советских многонациональных литератур – формирование мифологии новой генерации на основе глубокой модернизации архаичных элементов. Современная мифология, конечно же, в содержательном плане радикально отличается от классической фольклорной архаики. Она далека от идентификационного начала и никак не связана необходимостью упорядочения и классификации окружающего мира. С точки зрения функционального назначения, в художественных текстах миф просто использует философские и апперцептивные элементы древних форм мировосприятия для более иллюстративного и суггестивно более убедительного анализа современного социума – в соответствии с актуальными идеологическими запросами эпохи и общества.

Особой формой фольклорных реминисценций в кабардинской прозе стали краткие апелляции к традиционной морали и этике идиоматического характера, имеющие дальнейшее продолжение в виде развёрнутых сюжетоформирующих вставок, резюмирующая часть которых дана нередко в виде пословиц и поговорок. Часто такие идиоматические адресации носят бинарный характер – они намеренно дуальны в смысле этнической принадлежности.

Например, в романе «Щит Тибарда» Т. Адыгова архаичные формы сознания представлены как глубоко интегрированные в человека сегодняшнего дня, главное же – происходит это единение с помощью регулярных апелляций к создаваемым автором нарративным фрагментам, образам, концептам, однако создаваемым на основе традиционных фольклорных, наиболее архаичных, формант, циклически проявляющихся по ходу повествования.

Сущностные содержательные моменты недвусмысленно дублируют сами себя в главных композиционных частях романа; переключки неомифологического и реального исторического при этом несомненна. И этот синтез реализован в единении различных хронологических локаций, в том числе столь характерного для Т. Адыгова фольклорного компонента, обуславливающего тот или иной эмотивный рисунок.

Особая форма интеграции этнического опыта в литературное произведение у кабардинских прозаиков – ссылка на морально-этические и этикетные кодексы адыгов, которые, в свою очередь, были тесно связаны и во многом определяли ценностные критерии витального, рекреативного плана. Они могут являть и прямые фольклорные адресации, но чаще всего дают читателю понятие о тех или иных сегментах общественного бытия народа, его специфических канонах мироустройства.

Использование кабардинскими прозаиками компонентов, имеющих прямое отношение к устному народному творчеству, эволюционировало в сторону всё большей художественной интегрированности в современный

им контент. Это вполне отвечает взглядам на эту проблему тех авторов, которые наиболее глубоко постигли возможности фольклорного мировосприятия и идентификации, тех авторов, чьи произведения, в сущности, целиком выстроены на сопоставлениях реальности и альтернативных пространственно-временных областей. Речь идёт о соответствии инкорпорированных компонентов любого уровня и любого происхождения неким, общим для всех, тенденциям концептуального, эстетического, идеологического плана; они должны являться ответом на реальные вызовы окружающего мира – как правило, общие для всех страт социума.

Образность и выразительность произведений адыгских писателей в каждом случае имеют уникальный авторский характер, начало чему было положено в творчестве Кешокова. Обращение к народной художественной словесности, включение в тексты фольклорных компонентов, сюжетики и концептуалогии превратилось в одну из дефинитивных черт кабардинской прозы практически с момента её зарождения, по крайней мере, это совершенно бесспорно для романа.

В параграфе 3.3 «Этницизм в кабардинской прозе новой формации» отмечается, что этнические и фольклорные структуры различного уровня использовались в адыгской прозе с момента её появления и формирования – как во фронтальной литературе XIX-начала XX столетия, так и с новой отправной точки её развития в советском, социально-идеологическом режиме после Октябрьской революции.

Исторически сложилось так, что «национальные писатели дважды вступали в стадию ярко выраженного культурного просветительства, принимая внешнее культуртрегерское воздействие»¹. Двойное возвращение в одну и ту же, по сути своей, эволюционную стадию, конечно же, должно было сопровождаться и растянутым периодом презентативного использования этнографических и фольклорных компонентов. Однако этого не произошло. В определённом смысле адыгские прозаические практики оказались свободны от этнической презентации в чистом виде и уже первые средне- и крупноформатные образцы национальной прозы – как появившиеся в режиме контакта с Российской Империей, так и тексты, написанные авторами советского периода – имели примеры нарративного функционирования соответствующих вставок. Начиная, приблизительно, с конца 70-х годов прошлого века презентативные функции этнографизма адыгской прозы постепенно сходят на нет и окончательно приобретают нарративную функцию.

Особенно показательны в этом смысле произведения последней волны кабардинской советской литературы – М. Эльберда и М. Маржохова, в которых этнически маркированные описания выступают в новой функциональной роли. Концептуальное содержание и сущность

---

¹ Мамсиров, Х. Б. Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е годы XX века. / Х. Б. Мамсиров. – Нальчик: Эльбрус, 2004. Сс. 119-123.

произведения – как в целом, так и в значащих эпизодах – в новых рефлексивных очертаниях имеют конкретную наполненность, некую суггестивную и гносеологическую достоверность, что, конечно же, видится признаком новой стадии развития прозаического мышления в целом. Это один из основных мировых эволюционных трендов современной прозы, однако в адыгской литературе он имеет явную специфическую черту генерационного свойства. Если большинство прозаических национальных практик шли к подобной рефлексивной полноте через изначальный интерес к материальному объекту – так, как, например, это было в русской литературе с её знаковой точкой выбора направления в рамках «Натуральной школы» – то адыгский национальный опыт шёл от изначально дематериализованных объектов. Положения обычного права народа были условно-виртуальными по определению, бытовой же этнографизм в конкретике его материальных проявлений – в силу ощущаемой временной дистанции между читателем и изображаемого в тексте. Тем не менее, сам ход развития адыгской прозы, её стремление вырваться из под прессинга идеологии с её высокопарными моделями представления об окружающем мире, обусловили совершенно особое развитие фольклорных и этнографических структур в авторской литературе, обеспечив, в конце концов, её приход к полноценным нарративным моделям и инструментровке. Во всяком случае, сегодня мы можем говорить о существовании совершенно своеобразного понимания роли и сущности фольклорных и этнографических апелляций – понимания, обусловившего как национальное своеобразие нашей прозы, так и перспективы её дальнейшего развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ диссертационной работы представляет собой основные итоговые выводы исследования и фиксацию его научных результатов, главным из которых можно считать положение об эволюционной функциональности фольклорных и этнографических компонентов в национальной крупноформатной прозе.

Перспективы исследования. Некоторые положения диссертационного исследования видятся весьма многообещающими с точки зрения анализа контента и эволюции новописьменных литератур РФ. В частности, существовавшие традиционные воззрения на их периодизацию, связанные с последовательно сменявшимися уровнями интеграции с русским литературным контекстом, очевидно, требуют пересмотра – характер использования фольклорных и этнографических структур в этом плане ощущается более корректным и плодотворным подходом. Ещё одним направлением развития идей представленного исследования может стать возможность экстраполяции её концептов и моделей анализа на современную прозу – сходство информационного состояния советского цивилизационного пространства с условиями сегодняшнего дня – перманентной радикальной модернизации информационной среды – очевидно. Нет никакого сомнения,

что резистентные и адаптивные механизмы национального сознания полувековой давности абсолютно актуальны и сегодня.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ ИЗЛОЖЕНО В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ

***Статьи, включённые в Перечень научных журналов и изданий,
рекомендуемых ВАК Министерства науки и высшего образования РФ:***

1. Мусукаева, А.Х. Кабардинский роман в аспекте эволюции жанровых форм / А.Х. Мусукаева, И.В. Гязов // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2019. – № 2. – С. 130-139.

2. Гязов, И.В. Генезис и развитие адыгской литературы: проблемы стадийных состояний и периодизации / И.В. Гязов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14, № 5. – С. 1367-1371.

3. Борова, А.Р. Билингвизм и его типология в кабардинской поэзии / А.Р. Борова, И.В. Гязов // Известия СОИГСИ. – 2021. – Вып. 39 (78). – С. 115-125.

4. Гязов, И.В. Этническое в контексте идеологического искусства / И.В. Гязов // Успехи гуманитарных наук. – 2022. – № 1. – С. 52-57.

5. Гязов, И.В. Идеологический нарратив и его особенности / И.В. Гязов // Успехи гуманитарных наук. – 2022. – № 3. – С. 61-67.

Статьи в других изданиях:

6. Гязов, И.В. О художественном решении темы исторической памяти в адыгском романе рубежа XX-XXI веков / И.В. Гязов // Русский язык и межкультурная коммуникация. – Пятигорск, 2018. – № 1 (17). – С. 118-122.

7. Гязов, И.В. Становление жанра романа в адыгских литературах (1930-1950-е годы) / И.В. Гязов // Русский язык и межкультурная коммуникация. – Пятигорск, 2017. – № 1 (16). – С. 186-190.

8. Гязов, И.В. Проблема интертекстуальности в новописьменных литературах Северного Кавказа / И.В. Гязов, А.И.А. Адам // ПЕРСПЕКТИВА–2021: материалы Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. – Нальчик: Эксперт, 2021. – С. 11-15.